

Фамусов Павел Афанасьевич

Один из ключевых героев комедии Грибоедова «Горе от ума»; богатый вдовец, барин, в чьем московском доме происходит действие, «управляющий в казенном месте»; отец Софии, в которую влюблен внезапно вернувшийся после трехлетнего отсутствия Чацкий. (Фамусов был другом его покойного отца.) Образы Чацкого и Фамусова полярно противоположны; один странствователь, другой домосед; один поднимает словесный бунт против дряхло-патриархального московского мира, другой растворен в этом мире без остатка и в каком-то смысле олицетворяет его. Наиболее патетичный из монологов Фамусова восхваляет московские нравы, неизменные век от века: здесь по отцу «и сыну честь», тут у кого «душ тысячки две родовых, / Тот и жених»; московских дам можно сей час отправить «командовать в Сенат», московские дочки «так и льнут к военным» — «А потому, что патриотки». Особый восторг Фамусова вызывают старички, которые «Поспорят, пошумят... и разойдутся».

Это не просто «похвальное слово Москве», но некий ретроспективно-утопический образ идеального общества «фамусовского» типа; точно так же — знаменитый календарь Фамусова, записи в котором он проглядывает в 1-м явлении 2-го действия (во вторник к Прасковье Федоровне в дом... в четверг на погребенье... в четверг, а может, в пятницу, а может, и в субботу — крестить «у вдове, у докторше»), не просто деталь его быта, но свод правил московского миропорядка, основанного не на делах, а на связях. Соответственно, бал в фамусовском доме, во время которого Чацкий будет объявлен сумасшедшим, — это маленькая «модель» Москвы, гости Фамусова — князь и княгиня Тугоуховские с шестью дочерьми, Хлестова, Скалозуб и другие — представляют срез московского общества.

Как положено вдовому московскому барину, Фамусов заигрывает со служанкой дочери («зелье, баловница»), находится в особо тесных отношениях с докторшей-вдовой, которая должна не просто родить, но именно по особому «расчету» Фамусова. И при этом он «монашеским известен поведением». Как положено человеку «века минувшего», он страшится новых веяний. Во время первого же разговора с Чацким (чье возвращение его совсем не радует — помимо прочего и потому, что Чацкий беден, это не московский жених с «тысячками двумя» душ) Фамусов затыкает уши, чтобы не слышать смелых речей. Естественно, он порицает французские моды и лавки Кузнецкого моста (традиционный комедийный мотив переосмыслен; обычно предметом осмеяния становились не «ругатели» мод, но сами модники и модницы). В этом он отчасти совпадает с Чацким, обличающим дух подражания; но в том и разница, что «мода» для Фамусова — не враг самобытности и самостоятельного русского ума, а всего лишь один из псевдонимов новизны, которую он ненавидит. Разница между книжными и бисквитными лавками для него несущественна (тот же мотив в «Графе Нулине» Пушкина, написанном после знакомства с «Горем от ума»). Главный враг для Фамусова — ученье, ибо оно разрушает неподвижность мира — главное условие долгоденствия его «московской утопии». Неосуществимая мечта: «забрать все книги да и сжечь».

И, как типичного московского барина, его водят за нос все кому не лень. И дочь, и ее возлюбленный Молчалин, взятый Фамусовым в секретари именно за робость и услужливость, и Софиина служанка Лиза. На сцене Фамусов впервые появляется в тот самый момент, когда София и Молчалин, всю ночь (по счастью, платонически) проведенные наедине, еще не расстались; Лиза переводит часы, чтобы их звоном потревожить покой любовников и предупредить о том, что оставаться вместе уже небезопасно; сначала Лиза, затем София и Молчалин усыпляют бдительность хозяина, заподозрившего неладное.

А последний выход Фамусова на сцену приурочен к финальному свиданию Софии с Молчалиным, во время которого та убеждается в низости и корысти «любовника»; картина ночного свидания дочери с секретарем повергает Фамусова в ужас (особенно потому, что его покойная жена была большой охотницей до мужчин). Комизм сцены усилен тем, что Фамусов словно раздваивается между внезапно охватившей его ненавистью к «новой» Москве, которая заражена «духом» Кузнецкого моста («Дочь! Софья Павловна! <...>/ Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми. /<...>/ В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!») и прежней пламенной любовью к «столице, как Москва». Только что он грозил предать позорный случай огласке («В Сенат подам, Министрам, Государю»), и тут же, в явлении 15, завершающем комедию, в слезном ужасе восклицает: «Что будет говорить княгиня Марья Алексевна!!!» Мнение московской княгини стоит в его иерархии выше и значит для него больше, чем мнение русского царя, обретающегося в Петербурге.

Как все центральные персонажи комедии, Фамусов имеет своих «двойников». Один из них — Максим Петрович, «персонаж» исторического анекдота, который Фамусов рассказывает в назидание Чацкому («На куртаге ему случилось обступиться; / Упал, да так, что чуть затылка не пришиб / <...> / Был высочайшею пожалован улыбкой / <...> / Упал вдругорядь — уж нарочно»). Это идеальный «прообраз» Фамусова. А его (и одновременно Максима Петровича) сюжетная тень — Молчалин, впитывающий московские традиции, живущий по московским правилам. Поэтому разрыв Фамусова, уверенного, что Молчалин обманул его доверие, с «секретарем» может оказаться временным, на что намекает финальный монолог Чацкого.